



УДК 130.1

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-1-64-70

**ПОИСКИ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО СПОСОБНОСТЕЙ
В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ****SEARCH FOR THE ESSENCE OF HUMAN AND ITS ABILITIES
IN RUSSIAN PHILOSOPHY****С.И. Некрасов¹, Н.А. Некрасова², А.С. Некрасов²
S.I. Nekrasov¹, N.A. Nekrasova², A.S. Nekrasov²**¹Московский государственный университет путей сообщения,
Россия 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9²Московский государственный технический университет гражданской авиации,
Россия, 125493, Москва, Кронштадтский б-р, 20¹Moscow State University of Railway Engineering,
9 Obraztsova St., Moscow, 127994, Russia²Moscow State Technical University of Civil Aviation,
20 Kronstadt Boulevard, Moscow, 125493, Russia**Аннотация**

Статья посвящена рассмотрению процесса формирования философской проблематики в процессе становления русской философии и науки, анализируется трансформация идей о сущности человека и его способностей, начиная с А.Н. Радищева, для которого понятие «души» выполняет функцию интеграции различных психических способностей; понимание человека как естественно сформированного машинного устройства, действительно становится очень влиятельной точкой зрения и у Н.Ф. Федорова, у которого человек – это машина, работа которой полностью определяет существование сознания; и заканчивая полемикой Н.Г. Чернышевского и П.Д. Юркевича, а также специфического подхода к этой проблеме А.И. Введенского, В.С. Соловьёва и П.Д. Юркевича.

Abstract

The article is devoted to the consideration of the process of formation of philosophical problems in the process of the formation of Russian philosophy and science, analyzes the transformation of ideas about the essence of man and his abilities, starting with A.N. Radishchev, for whom the concept of "soul" performs the function of integrating various psychic abilities, which is similar to the notion of "consciousness" in our time, and it is noted that human sensuality begins to form at an early childhood, while the reason manifests its strength only as a result of adulthood and education and with the extinction of the life of the body and sensuality, and the mind also fade away; understanding of a person as a naturally formed machine device, which in the course of its functioning generates multilevel mental activity, really becomes a very influential point of view in N.F. Fedorov, in whom we meet the idea that the organism is a machine whose work fully determines the existence of consciousness; and ending with N.G. Chernyshevsky and P.D. Yurkevich, as well as a specific approach to this problem A.I. Vvedensky, V.S. Solovyov and P.D. Yurkevich.

Ключевые слова: сознание, мышление, природа психических способностей, душа.**Keywords:** consciousness, thinking, nature, psychic abilities, soul

Начиная с самых ранних этапов своего становления, русская философская мысль была устремлена к познанию природы человека, его экзистенциальных и психологических основ. Исходя из этого, проблематика философии сознания, широко обсуждаемая акаде-

мическим сообществом, так или иначе, затрагивается отечественными учеными и философами на протяжении всей истории философской мысли в России.

Одним из важнейших источников, отражающих стиль философских исследований на ранних этапах становления русской мысли, является трактат Александра Николаевича Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии» [Радищев, 1941]. Несмотря на то, что термин «сознание» не встречается в данном произведении, трактат наглядно отражает философские воззрения автора на природу психического бытия человека. На основе данного трактата становится возможным реконструировать то концептуальное содержание и терминологический инструментарий, которые в современной философии выполняют схожую с термином «сознание» тематическую функцию, а также семантически близкие к нему понятия, такие как «самосознание», «осознания» и т.п.

Данный трактат начинается с размышлений о возможном предсуществовании души телу. Рассмотрение процесса формирования физиологических основ психической деятельности или того, что Радищев называет «телом-органом», он начинает от момента зачатия и до рождения, ведя свои рассуждения в духе сложившегося на тот момент естествознания. Именно с этой стороны Радищев подходит к психофизической проблематике, предполагающей возможное существование в человеке чего-либо «опричь телесности» [Радищев, 1941, с. 43]. Для него очевидна зависимость психических способностей от телесной организации, и зависимость мышления от мозговой активности: «Чувственные орудия суть нервы, а орудие мысли мозг», – пишет он [Радищев, 1941, с. 44]. Однако это еще не утверждение, что «мысль – это орудие мозга», т.е. по своим убеждениям он далек от натуралистического материализма. Он считает, что «душа» есть сила, действующая «органом-телом». Именно душа является носителем познавательных и жизненных сил организма.

«Человек имеет силу быть о вещах сведому» [Радищев, 1941, с. 59] – отмечает он, предвосхищая проблему природы «сознания». Свою классификацию «умственных сил» Радищев основывает на характерном для европейской философии гносеологическом делении познания на опыт и рассуждение. Опыт, в свою очередь, делится им на чувственный и разумный. Чувственный опыт представляет собой применение способности к чувствованию. Рассуждение и разумный опыт («сведенья о переменах нашего разума») представляют собой действие ума или рассудка. «Посредством памяти мы воспоминаем о испытанных переменах нашей чувственности. Сведенья о испытанном чувствовании называем представлением» [Радищев, 1941, с. 60]. Таким образом, он различает чувственность и рассудок, добавляя сюда так же память как способность «воспоминания» [Радищев, 1941, с. 60]. В данном случае мы видим, что, рассуждая о психических способностях, автор не нуждается в введении новых терминов исключительно потому, что сложившаяся к моменту написания трактата философская терминология включает в себя и понятие «души».

Далее он, имея виду душу, пишет: «...но все сии виды силы познания нашего не суть различны в существовании своем, но она есть едина и неразделима». Можно заметить, что в данном случае понятие «душа» для Радищева выполняет функцию интеграции различных психических способностей, аналогичную в наше время термину «сознание». Он отмечает, что чувственность человека начинает формироваться уже в самом раннем детском возрасте, тогда как рассудок проявляет свои силы лишь вследствие взросления и воспитания. С угасанием жизни тела и чувственность, и разум тоже угасают.

Радищев находит противоречивым дуалистическое разделение мыслящей и вещественной субстанции. Он считает обоснованными ряд аргументов со стороны сторонников натуралистического материализма, но мировоззренческие выводы, которые делаются из этих аргументов, для него неприемлемы. Подобная точка зрения, лишаящая человека надежды на вечное существование после смерти, с его точки зрения, противоестественна. Он стремится обосновать возможность независимого от тела существования души. Надо обратить внимание, что для Радищева философское рассмотрение природы психических способностей не является только научным вопросом. Он рассматривает их природу как предельное экзистенциальное назначение. Современная ему анатомия, на которую он



ссылается, по его мнению, не может дать исчерпывающий ответ на данный вопрос, несмотря на многие факты, которые она раскрывает. Следовательно, мыслитель должен в процессе «нутрозрения» сам прийти к пониманию сущности человеческого естества.

Таким образом, Радищев был одним из первых в русской философии, кто заострил проблему сущности психических способностей, а также отразил мировоззренческую остроту, которая сопровождает решение этой проблемы. Накал этой проблематики на протяжении развития всей русской философии лишь усиливался. Интерес к этой проблематике усиливался, в том числе, благодаря развитию анатомии и физиологии в России.

Важным событием в данном аспекте можно считать выход в 1866 году знаменитой работа Ивана Михайловича Сеченова «Рефлексы головного мозга» [Чернышевский, 1987]. Первоначальное название этого небольшого, но важного с точки зрения истории науки очерка, должно было звучать следующим образом: «Попытка вести физиологические основы в психические процессы». Данная работа посвящена физиологическому объяснению психологической деятельности и ее связи с рефлексами – «отраженными нервными движениями», возникающими вследствие воздействия стимулов на чувственный нерв. Рефлексы самопроизвольны и «машинообразны по своему происхождению» [Сеченов, 1952, с. 13], что отражает общий характер функционирования базовых структур нервной деятельности и мозга. Данное открытие «машинности мозга» сам физиолог считает «кладом» для всякого натуралиста и ключом для понимания природы психических способностей [Сеченов, 1952, с. 26]. Понимание мозга как естественно сформировавшегося машинного устройства, которое в процессе своего функционирования порождает многоуровневую психическую деятельность, действительно становится очень влиятельной точкой зрения. И даже у такого мыслителя, как Н.Ф. Федорова, мы встречаем идею о том, что организм – это машина, работа которой полностью определяет существование сознания.

Данный труд Сеченова, сочетающий в себе научную строгость и замечательный литературный стиль, получает признание не только среди профессиональных ученых, но и в широкой массе интеллектуалов. Несмотря на то, что сам Сеченов старался не делать однозначных выводов на тему, является ли душа продуктом мозга или же находится в прямом взаимодействии с ним, оставляя этот вопрос философам.

Далеко идущие философские выводы на основе работы Сеченова были сделаны в статье Николая Гавриловича Чернышевского «Антропологический принцип в философии» [Чернышевский, 1987], являющейся критическим откликом на сочинение П.Г. Лаврова «Очерки вопросов практической философии». Кроме прочих тем, в статье рассматривается проблема человеческого духа, которая считается Чернышевским полностью решенной медициной, физиологией и химией в пользу материализма. Это утверждение и некоторые выводы автора об устройстве человеческой психики, в свою очередь, положили начало яркой философской полемике, отразившей остроту мировоззренческих столкновений в отечественной мысли 60-х гг. XIX в.

Критическим ответом на статью Чернышевского стала работа Памфила Даниловича Юркевича «Из наук о человеческом духе» [Юркевич, 1990], в которой непосредственно затрагивается вопрос сущности сознания и проблема познания психических способностей.

Будучи носителем традиционного христианского мировоззрения и глубоким специалистом в области философии платонизма, Юркевич, в отличие от многих современных ему западных мыслителей, обладал глубоким пониманием сущности умозрительного познания. Эта приверженность умозрительной психологии и святоотеческому учению в некоторой степени нашла свое выражение уже в его ранних работах. Так, в первой своей работе «Идея» он рассматривает идеи как сверхиндивидуальные умозрительные сущности, подобно классическому платонизму, и доказывает последующее вырождение этого понимания в английской и французской философии путём сведения идей до уровня понятий, выражающих эмпирические представления.

Критическое отношение Юркевича к западному эмпиризму приводит его к сомнению в развитии психологии вне философского знания. С его точки зрения, психология в



решении вопросов о природе душевной жизни не может полностью «отрешиться от метафизических предположений о сущности мира, как отрешилось естествознание» [Юркевич, 1990, с. 107]. Психология, подобно естествознанию, строящаяся исключительно на эмпирических методах и не касающаяся трудной проблемы подлинной сущности психики, ограничена изучением психических явлений, которые сами по себе «есть продукт сложный», данный, с одной стороны, в «предмете наблюдаемом», а с другой стороны – «в представлении наблюдающего духа» [там же, с. 129]. Отсюда он делает вывод: «Мир явлений не изъясним из самого себя; для его изъяснения нужно брать в расчет ощущающий, представляющий и познающий дух как одно из первоначальных условий» [там же, с. 130].

Собственно, Юркевич как никто близко подошел к тому, что в современной аналитической философии называется «трудной проблемой сознания» (*hard problem of consciousness*). Однако в его работе проблема сущности субъективного опыта предстаёт как проблема объяснения природы психических явлений в целом. Почему движение нервов сопровождается ощущением, доступным осознанию, невозможно объяснить на основе детального описания физиологических процессов, происходящих в мозге. Этот вопрос остается загадкой, так же как если вместо нервного волокна «природа бы по какому-то капризу поставила бы шелковые шнурки и шерстяные веревки» [там же, с. 127].

Трактат Юркевича при всех его достоинствах не получил широкой известности, и важность поставленных им вопросов не была до конца осмыслена современной ему научной общественностью. Вследствие этого вся острота проблемы философского объяснения природы и сущности сознания не была до конца распознана даже таким глубоким мыслителем конца девятнадцатого столетия, как Владимир Сергеевич Соловьев.

В своих философских работах Соловьев достаточно часто использует понятие «сознание», и как концепт оно имеет значение для его мировоззренческой системы. Надо отметить, что психологическая терминология Соловьева восходит к неоплатонизму и включает в себя такие понятия как «дух – ум», «душа» т.п. Но особая терминологическая роль, которую играет понятие «сознание», определяется в первую очередь, тем центральным положением, которое он отводит нравственной философии. Разработке данной тематики посвящен фундаментальный труд мыслителя «Оправдание добра» [Соловьев, 1988]. В нравственном смысле самосознание и самообладание как выражение духовной потенции противопоставляется Соловьевым слепой и не владеющей собой материальной природе [Соловьев, 1988, с. 41]. В этом смысле сознание является выражением духа в его взаимодействии с низшими формами бытия.

Впоследствии разрабатывая собственную гносеологическую систему в «Критике отвлеченных начал», он прямо высказывает мысль, которая до этого им не была выражена столь четко: «В известном отношении, именно с чисто психологической точки зрения, все для нас существующие есть только состояния нашего сознания» [там же, с. 662]. Далее он проводит различие между имманентными и трансцендентальными состояниями сознания. Первые представляют собой субъективные факты опыта, психический опыт в свою очередь может иметь в качестве своего источника как внешние стимулы, порождающие ощущения, так и психологические события или внутренние аффекты. Трансцендентальные состояния – это факты формально логического мышления, имеющие универсальный и необходимый характер и способные отражать номологические отношения.

В своей теоретической философии Соловьев так же постулирует «безусловную достоверность наличного сознания» как «коренную истину философии» [Соловьев, 1988, с. 770].

Таким образом, философ больше имеет оснований сомневаться в реальности объективного мира, нежели в знании о психической наличности чистого сознания. Именно эта исходная субъективная самоочевидность сознания становится причиной, в связи с которой Соловьев проходит мимо проблемы сущности сознательного опыта. Другими словами, он не направил методическое сомнение на сознание как таковое и таким образом уклонился от постановки вопроса об источнике субъективного опыта. Однако этого мож-



но было вполне от него ожидать, так как под основной задачей философии он понимает бескомпромиссный и добросовестный поиск истинны посредством свободного движения мысли, не останавливающейся не перед какими исходными постулатами. Исходя из этого, очевидность сознания, как и изначальная феноменологическая данности, может быть поставлена под сомнение философом, хотя это, конечно, уже на грани абсурда.

Одной из причин отсутствия в философии Соловьева прямой постановки проблемы сущности сознания и более широкой проблемы онтологической природы души, возможно, является его погруженность в христианское мировоззрение, базирующееся на умозрительной психологии неоплатонизма. В данной системе смыслов проблема сущности сознания разрешена настолько ясно, насколько это возможно в рамках идеалистической философии. И из этого возникает уверенность в несомненном существовании «чистого сознания» – исходной основы для абсолютно достоверных фактов внутреннего бытия. Можно заметить, что данное понятие обозначает исходное феноменальное поле всех субъективных состояний и легко может привести к отождествлению сознания с психической реальностью в целом. Условным центром этого пространства осознания является феноменологический субъект как чистая форма любой психической наличности. В этом пункте Соловьев категорически расходится с системой взглядов, характерной для западной схоластики и картезианства, рассматривающих человеческое мыслящее «я» как неизменную основу личности (лат. *persona*). В понимании природы «эго» Соловьев ближе неокантианскому взгляду и рассматривает его как трансцендентальный механизм, формирующий единый центр деятельности сознания. Общая феноменологическая стратегия в объяснении сознания, на наш взгляд, так же является историческим влиянием кантианской критики на всю последующую европейскую идеалистическую философию.

Дальнейшее развитие феноменологического подхода в понимании сознания в России, связано со становлением неокантианской психологии, рассматривающей последнюю как науку о психических явлениях. Этот подход отстаивал А.И. Введенский в своей основной работе «Психология без всякой метафизики» [Введенский, 1993]. Для него данный подход представляет собой естественное следствие кантианской методологии. Понятие «сознание» он так же распространяет на всю общность психических феноменов и полностью отождествляет его с понятием «психического». Однако подобное определение термина «сознание», очевидно, не является исчерпывающим и, более того, порождает ряд противоречий в случае обнаружения бессознательного компонента психики. Односторонность данного подхода в понимании сознания подчеркнута другим выдающимся русским мыслителем – Семеном Людвиговичем Франком.

В фундаментальном труде «Душа человека» Франк выступает с критикой феноменологического ограничения предметной области психологии [Франк, 2000]. Еще более тревожной тенденцией, с его точки зрения, является постепенное вытеснение теоретической психологии, отличной по своим задачам научной дисциплиной, а именно физиологией [Соловьев, 1988, с. 640]. Признавая, что эмпирическая психология, являлась важным достижением XIX в. по сравнению «с бесплодной рационалистической схоластикой» [Франк, 2000, с. 639], он предостерегает от упрощения исходной проблематики философской психологии, подлинной целью которой, с его точки зрения, является понимание природы душевной жизни человека. Для достижения этой цели необходимо постигнуть онтологическую неоднородность душевных явлений, не отрицая заведомо само глубинное средоточие психологической жизни и не обходя стороной вопрос исследования человеческой души [там же, с. 662]. Основным методом философского изучения в этой области для него выступает «самонаблюдение в подлинном смысле слова, как живое знание, т.е. как имманентное уяснение самосознающей внутренней жизни субъекта в ее родовой эйдети-ческой сущности» [там же, с. 677]. Именно в этом аспекте он противопоставляет подлинную философскую психологию «так называемой эмпирической психологии» [там же, с. 677]. Современная ему психология в большей степени не способна к обращенности во внутренний мир душевной жизни, на центр или «руководящие единство этой жизни» [там



же, 729]. Поэтому важной заслугой Ф. Brentano, с точки зрения Франка, является обращение к самой человеческой душе как к живой личности в ее субъективном отношении к миру и бытию в противоположность попыткам натурализма изучать психические способности в отрыве от их живой субъективной данности.

Франк формулирует три основных смысла, стоящих за понятием «сознание»: предметное сознание, сознание как душевная жизнь вообще и самосознание как таковое [Франк, 2000, с. 725]. Предметное сознание – это «самоявственность» или внутренняя прозрачность психических актов в их непосредственной направленности на предмет. В своей направленности на предмет переживания данный род сознания некоторым образом отличается от сознания как порождающего свойства психических явлений, в котором двойственность между актом и осознанием снимается сама собой во всеобщем единстве душевной жизни. Третий род сознания является источником субъективного «я» личности и выражен в способности к самосознанию. «Быть сознательным – значит в этом смысле преобразовывать безразличное единство душевной жизни в резко выраженную двойственность между центром некоего пучка душевных лучей и сферой, освещаемой ими», [там же, с. 724] – пишет Франк. Он затрагивает вопрос бессознательных компонентов психики. Предпочитая использовать термин «подсознание», он, как и Лейбниц, близок идеи градации степеней осознанности. Это, в свою очередь, для своей окончательной реализации требует осмысления перехода одних состояний сознания к другим в рамках единой теории, но для Франка большее значение имеет философское исследование строения душевной жизни и соотношение души и тела. В этих вопросах он во многом следует духу классического немецкого идеализма, чьи исследования сознания и душевной жизни представляют собой метафизику в высоком значении этого слова.

Список литературы

References

1. Введенский А. 1993. Полное собрание произведений: В 2-х т. М., Гилея: 286 с.
Vvedensky A. 1993. Polnoye sobraniye proizvedeniy: v 2-kh t. [Complete Works: In 2 t.]. M., Gilea: 286 p. (In Russian)
2. Введенский А.И. 1915. Психология без всякой метафизики. Петроград.: Изд. Стасюлевича М.М.: 355 с.
Vvedenskij A.I. 1915. Psihologija bez vsjakoj metafiziki [Psychology without metaphysics]. Petrograd.: Izd. Stasjulevicha M.M.: 355 p. (In Russian)
3. Радищев А.Н. 1952. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., Госполитиздат: 676 с.
Radishchev A.N. 1952. Izbrannyye filosofskiye i obshchestvenno-politicheskiye proizvedeniya [Selected philosophical and socio-political works]. M., Gospolitizdat: 676 p. (In Russian)
4. Радищев А.Н. 1941. Полное собрание сочинений. Т. 2. М.- Л., Изд-во Академии Наук СССР: 432 с.
Radischev A.N. 1941. Polnoye sobraniye sochineniy. T. 2 [Full composition of writings. V. 2]. M. - L., Publishing house of the USSR Academy of Sciences: 432 p. (In Russian)
5. Сеченов И.М. 1952. Рефлексы головного мозга. В кн.: И.М. Сеченов Избранные произведения. М., ИАН СССР: 774 с.
Sechenov, I. M. 1952. Refleksy golovnogo mozga [Brain reflexes]. V kn.: I. M. Sechenov, Selected works. M., IAN USSR: 774 p. (In Russian)
6. Соловьев В.С. 1988. Критика отвлеченных начал. Сочинения в 2-т. Т. 1. М., Мысль: 691–709.
Solovyov V.S. 1988. Kritika otvlechennykh nachal. Sochineniya v 2 t. Vol. 1. [Criticism of distracted beginnings. Works in 2 t. Vol. 1.] M., Mysl': 691–709. (In Russian)
7. Соловьев В.С. 1988. Теоретическая философия. Сочинения в 2-т. Т. 1. М., Мысль: 757–831
Soloviev V.S. 1988. Teoreticheskaya filosofiya. Sochineniya v 2-t. [Theoretical philosophy. Works in 2 t. Vol. 1]. M., Mysl': 757–831. (In Russian)
8. Соловьев В.С. 1988. Оправдание добра. Нравственная философия. Сочинения в 2 т. Т. I. М., Мысль: 892 с.



- Solovyov V.S. 1988. Opravdaniye dobra. Nравstvennaya filosofiya. Sochineniya v 2 t. T. I. [Justify good. Moral philosophy. Works in 2 t. Vol. 1.]. М., Мысль: 892 p. (In Russian)
9. Фёдоров Н.Ф. 2004. Собрание сочинений: в 4-х т. М., Прогресс-Традиция.
Fedorov N.F. 2004. Sobraniye sochineniy: v 4-kh tt. [Collected Works: in 4 vols.]. М., Progress-Tradition (In Russian).
10. Фёдоров Н.Ф. 1982. Сочинения. М., Мысль: 709 с.
Fedorov N.F. 1982. Sochineniya [Writings]. М., Мысль: 709 p. (In Russian)
11. Франк С. 2000. Предмет знания. Душа человека. Мн., Харвест; М., АСТ: 992 с.
Frank S. 2000. Predmet znaniya. Dusha cheloveka [The subject of knowledge. Human soul]. Мн., Harvest, М., АСТ: 992 p. (In Russian)
12. Франк С.Л. 2004. Смысл жизни. М., АСТ: 160 с.
Frank S.L. 2004. Smysl zhizni [The Meaning of life]. М., АСТ: 160 p. (In Russian)
13. Чернышевский Н.Г. 1987. Антропологический принцип в философии. Т. 2. М., Мысль: 670 с.
Chernyshevsky N.G. 1987. Antropologicheskiy printsip v filosofii [Anthropological principle in philosophy]. Vol. 2. Moscow: Mysl': 670 p. (In Russian)
14. Юркевич П.Д. 2011. Из науки о человеческом духе: очерки по философии и богословию. М., Librokom: 248 с.
Yurkevich P.D. 2011. Iz nauki o chelovecheskom dukhe: ocherki po filosofii i bogosloviyu [From the science of the human spirit: Essays on philosophy and theology]. М., Librokom: 248 p. (In Russian)
15. Юркевич П.Д. 1990. Философские произведения. М., Правда: 670 с.
Yurkevich P.D. 1990. Filosofskiye proizvedeniya [Philosophical works]. Moscow, Pravda: 670 p. (In Russian)